

Художник Е. Станикова

Багрец и золото

Лариса Львова

Полуторка неторопливо отмеривала километры, но трясло так, что клацали зубы. Северные дожди, болота и подземные воды рассасывали дорогу, хотя каждый год из ближних карьеров завозили тонны гравия и песка, сгоняли на ремонт полтысячи заключенных. Природа расправлялась с людским трудом, как с размякшим в чае сухарем.

Петр Трофимыч и Леха сидели у самой кабины, то и дело стлकивались плечами, а иногда заваливались друг на друга.

Сорокалетний кряжистый Трофимыч был зол и хмур, потому что его место в кабине занял хворый инженер с прииска: приспичило ему заболеть не когда-нибудь, а именно в приезд наладчиков. И еще была причина для недовольства, но Трофимыч запретил себе о ней думать. Мало ли чего... Вдруг нечаянно слово уронит.

Леха вертел головой по сторонам, глядел в бездонную октябрьскую просинь и чему-то улыбался. Худой, малокровный детдомовский выкормыш три года назад был взят учеником, и поглядите — теперь помощник наладчика.

Гонял его Трофимыч нещадно, не жалел ни капли. Лехина робкая услужливость просто бесила, а шрамы на бледном прыщавом лице, следы детдомовского воспитания, словно вызывали зуд в широких задубевших ладонях. Так бы и треснул! Но руки распускать нельзя: уже два предупреждения от мастера. Урежет прогрессивку, а Трофимыч собрался менять кровлю недавно купленного дома.

Полуторка взбрыкнула и остановилась. Трофимыч выругался по-черному. Леха обалдело приподнял голову с дощатого настила — его швырнуло через части драги, замотанные мешковиной. На закровивших губах застыла прежняя дурацкая улыбка, а вот светлые гляделки помутнели.

«Так и надо дохляку», — подумал Трофимыч и сплюнул, потому что сам прикусил язык. Посидел немного, прислушиваясь к разговору шофера и инженера, однако не понял ни слова. Поднялся и тяжело перевалился через борт — размяться немного. Следом сиганул не вполне оправившийся Леха.

Шофер Степан двинул кепку на затылок и потер ссадину на лбу. Инженер Слотин взмахами руки попытался разогнать то ли дым, то ли туман, который клубился над громадной трещиной. Она рассекла дорогу, будто нож сало.

— Да-а... влипли. Объездной нету, возвращаться нужно, — сказал расстроенный Степан. — По одну сторону болото, по другую — овраги. Вы-то как, Иван Всеволодович?

ФАНТАСТИКА

Слотин согнулся вдвое и в ответ разразился кашлем. Отбухав и отхрипев, спрятал за пазуху платок, уселся прямо на гравий.

— Всяко было, но такое впервые вижу, — продолжил сокрушаться Степан. — Развалило землю надвое, края ровные, точно срезанные. Вот че теперь делать? Пока наряд на ремонт вызовут, пока мостки какие-никакие настелют, неделя пройдет.

— Степан... — сипло, точно старой пилой по листовенному чурбану, заговорил Слотин. — Ты не гоношись. Подумать нужно. Похоже на разлом, как при землетрясениях. Довелось повидать. Однако, судя по всему, выходит, что он искусственный. Но толчков мы не почувствовали.

— Да какие толчки?! — разошелся Степан, которому совсем не улыбалось оказаться в простое. — У меня от нашей дороги мозоль на задю. Хоть как тряси — не почую.

— Чё тут? — спросил подошедший Трофимыч и недобро посмотрел на Слотина.

— Вишь, обвал какой-то. Вроде на неделе без дождей обошлось... — поразмыслил Степан. — Думаю, опять вода сподзёмли пошла.

— Вода... сподзёмли... — передразнил Трофимыч. — Ни разу без поломки не доехали. На прииск дорога рушником, а обратно — узелком.

— А я тут при чем? — выверился Степан. — Иди к начальству и докладай: не умеют ваши шофера людей возить, буду ждать ноябрьских праздников, когда с Тяжмаша иркутские прибудут. Вот они умеют, они довезут...

— Степан, давай без ругани? — вмешался Слотин, уже вполне овладев голосом. — Возвращайся на прииск, иди в контору. Сделаешь заявку, выезжай через Убрун, потом через пастбища на ту сторону обвала. А мы его обойдем и тебя встретим.

Трофимыч открыл было рот — не нанимался он пёхом через овраги переть. Но задумался: путь через Убрун в три раза длиннее и корявее. Нет, уж лучше он здесь пересядет. Овраги-то, кажись, рукотворные. Поговаривали, особо удачливые по сей день находят в них кое-что. А Трофимыч как есть удачливый. Дом в Рабочем купил, такой огород взбодрил — соседи завистью изошли. Коровенка, поросятки. У жены место постоянное на рынке. Подкопить чутко и махнуть на родину.

Трофимыч сделал плачущее лицо и притворно заохал, потирая ногу, с рождения короткую. Леха подскокил, подставил хлипкое плечо, острое даже сквозь ватник. Лезет куда не нужно! Всю душу измотал на прииске. Не отходил ни на шаг. А у Трофимыча дела... Но даже к лучшему. Охрана сменилась вместе с начальником, и Трофимыч поостерегся. Ну, пустой случилась командировка — будут другие. А если по овражкам пробежаться, так и вовсе наоборот...

— Скидывай вещи! — буркнул он напарнику.

Леха полез в кузов. Ноги не послушались зашибленной головы, и он сорвался, повиснув на борте. Трофимыч презрительно цыкнул пораненным языком и сморщился — больно. Пошел к разлому, породу посмотреть. Остался доволен: стены трещины рыжели знакомыми разводами. К удаче.

Тарахтенье полуторки стихло. Иван Всеволодович Слотин поглядел на наручные часы в стальном корпусе. Удрученно потряс кистью, приложил к уху — часы остановились. Впервые с апрельского дня сорок пятого года, когда ему вручили их вместе с орденом. И было в остановке безотказного механизма что-то неправильное, роковое. Как разлом на дороге.

— Ух ты... немецкие, — раздался голос Трофимыча.

Наладчик подходил неслышно, и всегда со спины, будто волк. Вот и сейчас Слотин почему-то вздрогнул.

— На чё потянули?

— Простите, не понял. — Инженер растерялся.

— Ну, сколь рублей за них отдал? — переспросил Трофимыч.

— Наградные, — сухо ответил Слотин. Подумал, снял часы с руки и положил во внутренний карман с застёжкой. Понял, что получилось не совсем вежливо, и объяснил: — Пять лет без единой поломки. А полчаса назад встали. Досадно.

— Полчаса назад? — переспросил Трофимыч. — Это, кажись, как раз в то время, когда мы сюда подъехали?

Слотин поправил очки, задумчиво пожевал губами. Потом сказал:

— Я, признаться, не обратил внимания, но вы верно заметили: именно в это время. Хороший вопрос. Теперь бы найти ответ на него...

Трофимыч оглянулся на дымившийся разлом, посмотрел на Леху, который с пожитками напарника и личным парусиновым ранцем за спиной уже спустился в овраг, пересек его и теперь поднимался по высокому склону с частоколом осинок на гребне.

— По солнцу, выходит, полдень. Перекусим и отдохнем на дорожку, — сказал Слотин и зашелся в кашле.

Наладчик покосился на инженера: синие тени под глазами, у крыльев носа... И незаметно отошел. Говорили, у Слотина в груди застряли осколки. Но кто точно знает? Вдруг зараза притаилась? Зашагал вниз, цепко оглядывая валуны и камни помельче. Доходяга-инженер двинулся следом.

Солнце, видно, решило выжать на землю остатки тепла. Припекло, как летом. Теснящие друг друга осинки полыхали золотом. Среди рыжевато-бурой, побитой первыми заморозками травы победно зеленели ростки, смолоду попутавшие время года. Пронзительная синева резала глаза. Слотин вскрыл банку рыбных консервов, поставил на середину расстеленного рушника — угощайтесь.

Леха, который за два вечера скормил командировочный паек — белый хлеб и тушенку — всякой шушере в бараке-общежитии, где ночевали наладчики, с интересом поглядел на яркую иностранную наклейку, но отодвинулся со словами: «Есть чего-то расхотелось. Воды попить».

Трофимыч заметил, как дернулся на бледной шее острый кадык, и позлорадствовал: а нечего едой разбрасываться! Сам-то он паек дома оставил, запаса желтым прошло-

годним салом. Все равно на рынке никто не купит. Вот и инженер нос воротит — затхловат душок. Чудак-человек: вытащил ножом из банки самый большой кусок, положил на ситный и грубовато, чтобы сбить стеснение, предложил Лехе: «Ну-ка, жуй давай, а то за шиворот суну». Леха робко взял угощение.

Сердце Трофимыча неожиданно зашло от острой боли. Он вытолкнул онемелым языком кусок, схватил бутылку с водой и, обливаясь, глотнул. Закашлялся, с радостью ощущая: отпустило. Отер с лица громадным носовым платком воду, пот и слезы, отдышался, ощупал грудь. Сердце стучало ровно и сильно. Успокоился было, но глянул на Слотина. И с ним что-то не так. Инженер то вытягивал руку над полотенцем, то смотрел в небо. А лицо — белее снега.

— Иван Всеволодович, — тихонько обратился к Слотину Трофимыч, всерьез опасаясь, что попутчик спятил.

— Товарищи... — тихо и торжественно, как на траурном митинге, отозвался Слотин. — Может, мне почудилось, но я не замечаю теней. Это раз. Солнце по-прежнему над головой. Это два. И ветра нет. Вот посмотрите.

Трофимыч проследил за рукой Слотина. В самом деле, тени исчезли. Пылала невозможно яркая ржавь осин.

А сердце снова болезненно ворохнулось от того, что мир стал будто бы нарисованным: ни птиц, ни букашек, ни какого-либо шевеления в пугающей тишине. Словно жизнь ушла, утекла в тот разлом на дороге. И все, что осталось, — это зловеще-прекрасная осень под голубым эмалевым куполом да трое человечешек.

А может, это они того... неживые?

Трофимыч чертыхнулся вслух — голос зазвучал как-то иначе.

И тут охнул Леха, отталкиваясь ногами, подвинулся к Трофимычу поближе. Слотин, комкая рушник, тоже подтянулся к попутчикам.

Разлом, пока они жевали, разросся, протянулся черной царapiной через противоположный склон, засыпанный побуревшим золотом овраг и нацелился на рыжий дерн почти у самых ног.

— Располовинилась земля, — без всякого страха, с детским удивлением сказал Леха. — Как хлебная корочка.

Слотин продолжил митинговать:

— Перед нами необычное природное явление. Вы бегите, товарищи! Сообщите в контору, что я остался наблюдать.

Инженер затрясся, как перед приступом кашля, но обычных звуков, которые напоминали собачий лай, Трофимыч не услышал. Да и приступа не было, только из уголков слотинских губ протянулись дорожки брусничного цвета.

В глазах потемнело, или из трещины в земле повалил дым и закоптил все вокруг, или небесная эмаль откололась и обнажила чугунную темень, но Трофимыч смог увидеть только два багровых потока. И тут его швырнуло куда-то, поволокло. Перед глазами словно замелькали кадры киноленты. Трофимыч не сразу понял, что это кино — о нём.

Старая хатка в приморском городке поделена уродливой печкой на две части. За «навесью» — плач и причитания. Там жиличка со своим сыном, белобрысым

парнишкой, Петькиным ровесником, который по поведению больше похож на младенца — все с матерью, да за ручку. Ихний батя, из «бывших», привез сюда семью, чтобы добиться места на каком-нибудь судне и смыться из России. Да и запропал.

Петька забился под стол, и прутья громадной плетеной корзины с овощами впилась в спину. Из-под края полотняной скатерти виднелась материнская юбка. Мать жарила на гусяном жиру кабачковые оладьи и бормотала над скворчащей сковородой:

— А мы при чем? Пустили ночевать, а вот за вещами следить не нанимались. Сидела бы в хате на своей укладке да мужа ждала. Подумаешь, два дня уже нету. Вон у Процаков жинка еще весной на майдан ушла, по сю пору не вернулась. Время такое. А коли приспичило шляться по городу да мужа беспутного искать — тащи вещи с собой.

Из-за печки раздались выкрики:

— Господи! Что мне теперь делать, господи! Все деньги у Всеволода были. И вот теперь — ни документов, ни ценностей.

Мать повысила голос так, что жилы выступили на том щем горле с красной, гусяной кожей:

— Документы!.. Ценности! А не видала я никаких документов и ценностей! Мне никто ничего не предъявлял! И скандалить не дозволю!

Плач за печкой на секунду стих. Показалась серая шерстяная юбка, расшитая понизу черным галуном. От жиличкиного голоса заципало в носу.

— Марфа Никандровна, я не скандалю. Но смотрите сами: замок на укладке сломан, бумаги и украшения... бабушкины и мамини... не самое ценное — самое дорогое, последнее... — Женщина не смогла говорить и снова заплакала. А потом сорвалась в крик: — Мы с Ванечкой ушли! Только вы и ваш сын в доме оставались! Разбойничий притон!

Мать так чем-то на печке загремела, что обиженные вопли жилички потонули в грохоте. Раскричалась сама:

— Вон! Вон отсюда! Прижало вас, так бросились сюда: уезжаем морем в заграницу; не хотим, как все, горе мыкать, хотим по-прежнему в богатстве-сытости жить, чтобы люди в пояс кланялись. И чтобы плевать им в душу можно было: в нищей хатке честности не сыщешь! Проваливай отселе, пока не вытолкала! Или мне соседей позвать?

Когда утихла кутерьма и улеглась материнская злость, Петька выскользнул за дверь. Дело у него было. В соседском сарае-развалюхе, куда два года не заглядывал хозяин, глухой и полуслепой бобыль. Изворачиваясь, остерегаясь прикосновений мокрой после дождя сныти, Петька пробрался к сараю. Отодвинул доски, которые прикрывали лаз, и нырнул в затхлую темень. Только нашарил крышку бывшего погребка, как доски упали, и в лазу показалась лохматая башка Лютика, семнадцатилетнего предводителя слободской шпаны.

Лютика в миру звали Людвигом, а про место жительства и родителей никто ничего не знал. Рыжие Лютиковы космы лезли из-под картуза, как языки пламени, и были сигналом опасности для окружающих. Парнишка никому не спускал: ни малому, ни старому. Не раз его нещадно избивали мужики, да вот обидчики недолго жили после расправы. Лютик был вездесущ, как сныть на запущенном огороде.

ФАНТАСТИКА

Он протянул длинную мосластую руку, отшвырнул крышку и уцепил шелковый сверточек. Петька почувствовал, как сердце ухнуло в живот и слабо затрепыхалось, но даже пикнуть не посмел. Лютик подался назад, потому что широким плечам было тесно в лазу, втиснул другую руку и ворохнул сверточек. Ослабилась, увидев клад — барские цацки с камешками, — загреб шелк вместе с пылью, в которую превратилась земля. И был таков без единого слова.

Петька, стоя на коленках, согнулся, покропил пыль слезами. Напрасно он добыл эти цацки. Зря послушал друзей, которые повторяли чужие слова — «грабь награбленное» — и мечтали купить лодку, чтобы тоже смыться из городка. Теперь не возьмут его с собой без «доли». А вдруг еще дознается отец и придется отвечать? Захлестнет ведь, как обещал, когда Петька принес гусям гарбуза с чужого огорода.

Слезы закапали чаще, но делать нечего, нужно возвращаться. Сунулся в лаз — а за досками его подждал новый гость. Сын жилички, бледный до синевы. В руке — брошенный Лютиком платок. Из скривившихся губ — презрительный шепот: «Так и знал... вор... мразь! Верни мамини вещи!»

Несмотря на тусклые осенние сумерки и тяжелое низкое небо, готовое разразиться дождем, Петьке особенно невыносимыми показались глаза яростной синевы. И он со всей силы ударил крепеньким кулаком в эту синеву. Тут же почувал лихую силу и стал пинать упавшего по хлипким рукам, которые прикрывали голову, по податливым бокам. Остановился только тогда, когда носки башмаков стали алыми, и побежал прочь от дома в кровавую мглу.

В его первом иркутском доме постоянно чадила неудачно сложенная печь — не хватило денег на умельца, сам мараковал. Но с бараками не сравнить — свои стены да крыша, кроме удобств, придавали Петру Трофимычу солидности и веса среди рабочих. А то, что он вкалывал наравне со всеми, несмотря на колченовость, не пил запойно, делало его уважаемым человеком, завидным женихом.

Многие советовали ему прогнать худенькую белобрысую Люську, деревенскую девчонку, которая сбежала в город из приангарской деревни от голода и безродницы — все близкие померли, никого не осталось. Люська прибилась к Трофимычу, как упавший в воду осиновый листок прибывает к берегу. Молчаливо тянула домашнюю работу, боялась поднять на сожителя голубенькие, точно васильки, глаза, даже за стол вместе сесть не смела. Это Трофимычу нравилось, он любил уставиться на Люську,

нахмурил брови, и наблюдать, как она дрожит. Одна беда — в койке Люська лежала деревяшкой. И вином угощал, и бил — все без толку. Поэтому Трофимыч мечтал о крепкой бабе — с широкой спиной и усадистым задом. Была такая в Рабочем предместье, жила торговлей с огорода и часто снилась вместе с двором большой усадьбы, где все Трофимычу кланялись, комкая в руках шапки.

Трофимыч ждал «сродственника» с «гостинцем», желтым крупитчатым песком.

На такое его надоумил мастер из цеха, который давно присматривался к замкнутому рабочему, который обычно держался за спинами других. «Ну точно вор или... волк», — рассудил однажды мастер и решился переговорить с Трофимычем. А что? Мужик толковый, хваткий, молчаливый до угрюмости — такого в наладчики вывести можно. Кировское ремесленное за плечами и, похоже, что-то тайное за скупыми анкетными строками. Или в лобастой голове на широченных плечах. С тех пор Трофимыч стал одним из тех, кто принимал «сродственников» из золотиносных сибирских земель, исправно сдавал «гостинцы» мастеру и часто выезжал на прииски.

Выпроводив невысокого мужичка в потрепанном пиджаке, Трофимыч заспешил в центр города. Сдать поскорее тяжеленький узелок, который лежал в табакерке. Взять стопочку мятых червонцев и спрятать их в стене за кроватью. А как накопится порядком, сменить жилище в топком от близкой речки Рабочем на сухой и чинный дом. Как у мастера Позднякова.

Трофимыч зорко следил за вечерними улицами, пытался запомнить встречные лица, оглядывался, потирая короткую ногу, — притомился инвалид, пережидает приступ боли. Чего с него взять? Так и добрался до двухэтажного деревянного особнячка. Процокал стальными подметками по узкой лестнице и тихонько постучал в массивную дверь. Приложил ухо к резной филенке и снова постучал.

Но старый мухомор не поторопился открыть, мать его так. Или?.. Меж тем в крохотное лестничное окошко донесся пронзительный голос:

— Михална! Михална, тетеря глухая! За Санькой моим пригляди, я в аптекарский, который у рынка, побегу.

— Чё там забыла? — ворчливо ответила какая-то бабка у самой двери, в которую только что вошел Трофимыч.

— Тай, не для себя. Позднякову, соседу, плохо. Врач приходил, капли прописал. А соседка встать не может, обессилел. За Санькой-то присмотришь?

— Ну дак куды деться-то... беги.

А через минуту бабка ехидно сказала:

— Делов больше нет, как за этим Саньком глядеть. Не червонец, не сопрут. А мне в булочную надоть.

От волнения у Трофимыча так обострился слух, что он услышал удаляющееся шарканье башмаков. «Так и в самом деле зверем стать можно», — почему-то с гордецей подумал Трофимыч и, поддавшись внезапному порыву, толкнул дверь.

Поздняков лежал навзничь, под головой — маленькая подушка. Большая валялась на полу. Рядом с кроватью — низкий лаковый столик, на нем блюдце с двумя расколотыми ампулами. Больной с трудом разомкнул дрожащие веки и как-то беззащитно, виновато глянул на Трофимыча. Из скривившегося рта вырвались странные звуки: «Кхх...хх...»

— Тихо, тихо, — прошептал Трофимыч, заботливо под-

нимая подушку. — Сейчас помогу... — И накрыл лицо Позднякова пуховой подушкой в веселенькой ситцевой наволочке, которая резко воняла лекарством.

Тело даже не дернулось, только мелко задрожали ноги да еле слышно хлопнули по простыне руки.

Когда Трофимыч бросил подушку на прежнее место, заметил странный жест мертвой руки, будто она тянулась к столику. Усмехнулся и перевернул его. Открутил ножки, снял столешницу, извлек из тайника деньги и пакет граммов на триста. Постоял над покойником, борясь с двумя желаниями: обыскать комнату — ведь должны же быть еще ухоронки; ну и украсить синюшную отечность пустозеровского лица багряным блеском свежей крови.

Трофимыч содрогнулся от своих мыслей и выскочил из квартиры.

Он открыл глаза и не увидел рядом своих спутников. Отдышался с хрипом и бульканьем в груди, смахнул пот. Отбросил кусок прошлогоднего сала, который судорожно сжимал в руке, брезгливо отер ее о скомканный рушник. Черной трещины не стало, вместо нее вздыбились камни на желтом песке. Вроде как овраг расширился. Где же...

— Иван Всеволодович, гляньте-ка! Будто листочки на камне! — раздался снизу ликующий голос Лехи.

— Я же объяснил, что это окаменелости, остатки лесов третичного периода, — ответил Слотин.

«Какие листочки да окаменелости? Делать им больше нечего... И вообще, хватит рассиживать, выбираться нужно отсюда», — подумал Трофимыч. Но не справился с некстати возникшим любопытством, подобрался к краю оврага и глянул. Мать честная! И тут же поехал вниз на собственном заду, не думая о сохранности штанов, которые еще носить да носить.

Овраг превратился в ложе чистойшей говорливой речушки. Струйки стеклянной позвякивали, разбиваясь о блестящие камни, а дно светилось листопадной охрой. Кое-где из песка выступали причудливые рога самородков-дендритов.

— Что это? — прохрипел Трофимыч, не веря своим глазам.

— Да золото же, — весело ответил Леха, нагнулся к плоскому слоистому камню, поднял его и завопил: — Иван Всеволодович! Птица!

Слотин, радостно и легко дыша, подошел к Лехе, который держал находку в вытянутых руках, и ответил снисходительно:

— Какая же это птица? Это, Алексей, стрекоза.

— Не может быть! — возразил парнишка и загорячился: — Она ведь размером с ворону!

— Это еще не самый большой экземпляр, — рассмеялся Слотин. — Пойдем, я кое-что тебе покажу. Клянусь, больше нигде такого не увидишь. Сам до столбняка поразился...

И Слотин с Лехой зашагали вниз по течению.

А Трофимыч припал к мелководью и стал ползать по камням, лихорадочно набивая карманы. Вскоре они тяжело отвисли. Трофимыч решил передохнуть и поразмышлять.

Что ж это творится-то? Куда он попал? Может, золотиносная речка, Леха, разглядывавший окаменелости, Слотин, который внезапно выздоровел, — всего лишь

сон? А он, Трофимыч, лежит сейчас на печке, натопленной до удушья, мается, перекатывая потную голову по подушке. Или в бане сморило — было с ним такое, как только перебрался в Сибирь.

Трофимыч встал на колени, вгляделся в быструю воду, постарался не замечать россыпи желтых блесток, а увидеть свое отражение. На миг мелькнула лохматая черная тень с кровавым взглядом, но пропала. И снова чистые струйки стали голубыми от свечения яростно-синих, будто покрытых лаком, небес.

Трофимыч услышал шаги спутников за спиной, но не пошевелился.

— Петр Трофимович, поглядите, это обломок ребра какого-то вымершего животного, — по-ребячьи залиvisto сказал Леха.

— Не тревожь напарника, ему не до того, — попросил Слотин вполголоса, словно рядом находился спящий.

Трофимыч углядел отражения инженера и Лехи с какой-то изогнутой деревяшкой в руке. Прищуриваясь на пустоту между отражениями, спросил:

— Где мы?

— Так вы сами давеча подумали, что на том свете, — произнес Слотин и присел рядом.

Трофимыч на миг онемел. Ну было такое: подумал, что они уже неживые. Но ведь не сказал же? Откуда Слотину известны его мысли? А если Слотин и Леха увидели то, что Трофимыч, как ему казалось, навсегда схоронил?.. Тогда почему не боятся его, не бегут от зверя?

— А куда бежать-то? — спросил Леха, враз растерявший веселье. — Сколько ни иди, кругом одно и то же: овраг да речка.

— Мы здесь втроем. Никого больше нет. Но если хотите, отойдем подальше, чтобы вы нас не видели, — добавил инженер.

Трофимыч затрясся: каждая его мысль перед спутниками как на ладони. Почему же он не может почуять, о чем думают Слотин и Леха? Почему нет его отражения в зеркальной волне?

Додумать он не успел, потому что все вокруг покачнулось, а инженер с помощником подхватили его под руки и подняли. Ага, проявили себя. Нет уж, он отсюда ни ногой! Такой фарт раз в жизни выпадает — самородки, как грибы, с земли поднимать. И плевать, на каком свете. Ишь, простофилями прикинулись! Птицы-стрекозы.

Трофимыч чуть присел и рванул всем корпусом сначала вправо, потом влево. Слотин и Леха так и полетели на песок. Не возьмете за просто так!

— Трофимыч, садовая голова, — снова с хриплой одышкой сказал Слотин. — Глянь, что творится! Схлопывается овраг. Как бы не засыпало. Полезли наверх, да побыстрее!

Трофимыч сам почувствовал дрожь земли под ногами, ощутил задубевшей кожей полет колких песчинок, но отбежал в сторону, припадая на короткую ногу, и выкрикнул:

— Сами лезьте! Я здесь остаюсь! Нашли дурачка!

И тут Леха выкинул такое, чего Трофимыч никак не ждал. Парнишка в два шага догнал наладчика и уцепился за рукав ватника. Сказал со слезой в голосе:

— Трофимыч, ты же как строгий отец мне. Пойдем, пожалуйста...

— Отойди! — взревел Трофимыч, вырвал рукав и подхватил с земли обломок, который притащил Леха. Наставил

ФАНТАСТИКА

острием в грудь своему помощнику и прорычал: — Убירהйся, а то запорю! Ну!

Земля перестала трястись, но закурилась смрадными испарениями. Воздух, в котором заплясали хлопья, похожие на темно-бурую листву, сдавил горло. Леха слезящимися глазами растерянно смотрел, как вдоль кипящей, булькающей желтыми пузырями речки удаляется колченогая фигура. Трофимыч шел туда, где налившееся багрянцем небо переходило в сплошную тьму.

Возле двери больничной палаты стояла нянечка, прислушивалась к разговору выживших в аварии и крестилась, оглядываясь, чтобы не заметили медсестры-комсомолки.

— А почему нас вместе с Трофимычем на тот свет затянуло? — спрашивал юноша с забинтованной головой и гипсом на руке.

— Ты, Алексей, вроде семилетку закончил. А рассуждаешь, как старушки и прочая темнота, — охотно отвечал седой мужчина с загипсованными ногами. — Тот свет, этот... Думаю, что прошлое, настоящее, будущее послойно, как оболочки земное ядро, окружают нас. Иногда случаются и разломы. Вместе с человеком могут рухнуть в тартарары другие люди. Мы ближе всех Трофимычу. Я это недавно понял, покопался в воспоминаниях, сопоставил кое-что... До войны я приезжал к его матери, деньгами помогал, похоронил — ведь больше было некому. Она же когда-то, еще в Гражданскую, меня и маму приютила, спасла от голода и карателей, выдала за сестру с племянником.

— А я? — не отставал юноша, даже пытался приподняться, чтобы видеть лицо мужчины, но его собеседник замолк: то ли не был уверен, то ли жалел парня, делал вид, что засыпает.

Леха глядел в больничный потолок, побеленный бороздками, и вспоминал, что ему рассказали в детдоме. Родила его на вокзале какая-то нищенка, почти девчонка. Беленькая и голубоглазая, как он сам. Родила и умерла, не назвавшись по имени-фамилии. Трофимыч, конечно, был настоящим зверем. Но какой-никакой, а все же отец.

